

По лагерям

Александр Интелл

18+

Александр Александрович Интелл

По лагерям

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39479556

SelfPub; 2025

Аннотация

Это мир лагерей, покрытый куполом и тайной. Внутри обыденно и предсказуемо. За пределы не выбраться. Но главного героя влекут шири и дали, потому он отправляется в Дикий Лес – место, наполненное волшебными тварями и скрытое от посторонних глаз. В Диком Лесу он встречает группу возникших и понимает, что отличается от тех, кто населяет мир под куполом. И только если у тебя есть душа, возможно вырваться.

Содержание

The Camp	4
Дикий Лес	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Интелл

По лагерям

The Camp

Пробегали тучи серебристо-синие, гулял ветер, невидимый и бесчувственный, я смотрел на кусочки неба – двойчатого багряного заката, полосы снегов, лоскуты морей, крохотных и зыбких, распадающихся, только потянишь рукой.

Клочки сочных и зеленых лугов проносились мимо, пахло табаком и разговорами.

Завелась мысль, простая и не тяжкая: увидеть.

Я открыл глаза и нашел себя в шаткой деревянной хижине, пропахшей свежими дровами, которых по близости не наблюдалось. Поднялся с нехитрой постели, потянулся до хруста и вышел.

Дрова соседа, живущего в прилегающей лачуге, аккуратно были сложены под навесом, мягкий фимиам свежесрубленной яропы пробирался в дом, лез в ноздри, особенно если повернуться на правый бок к дверному проему – разглядывать каменные блоки замка, таящего помыслы знати, секреты волшебников, чаянья прислуги.

Сколь печку не топит, дрова не изводятся. А мне хорошо:

яропа табак перебивает. Можно бы дверцей прикрыть, да нет ее. Не нужна. Смотришь в проем – глаз радуется, люди мимо шлындают, не торопятся. Свежести безмерно в доме. Не нужна дверь.

Я подошел к соседу, кивнул.

– Прохладно нынче, – протянул седовласый мужичок в хмарной тканевой жилетке, ровных, какие не носим, штанах. Истопник удобно устроился на скамеечке и праздно глазел по сторонам, изредка глядя жидкую бородку.

– В самый раз. Сегодня топить будешь?

– Не решил пока. Прохладно, но терпимо.

Он посмотрел в сторону, затем, как между делом, спросил:

– Эликсиры купишь?

– В следующий раз. Прежние не извел.

– Как знаешь. Вернее брать прозапас, чего лишний круг наматывать, ноги бить.

– Учту.

Мужичок почесал затылок, зевнул, да так, что расхотелось куда-либо идти, но вспомнив, что только проснулся, я быстро опомнился.

– Мне в Дикий Лес надо, – поделился я заботой.

– Ну и правильно. Иди, конечно. Может, там свидимся, друг на друга набредем. Компанию не предлагать.

– Понял. Пойду тогда.

– Бывай – отмахнулся сосед и продолжил бесцельно гла-

зеть, да позевывать, словно он ждал, когда борода отрастет.

Я пошел на торг, разузнать чего нового, пообщаться с людьми, а вдруг – прикупить парочку нужного.

Как бывает, завязался разговор с местным. Грегор его звать, рудокоп. Видал часто, перекидывались фразами, в периметре у костерка курили, но особо диалог не вели. А тут заболтались:

– Магов у нас всегда недолюбливали. Чего говорить? Высоко больно те нос задирают, – рассказал Грегор, потер мясистый нос, затем продолжил: – Вон, Лагерь Бродяг – другое дело. Магам там почет, уважение. А почему? Отношение к людям иное, – Грегор покачал головой. – Обидно, честное слово!

– Мда... обидно, – поддержал я беседу.

Грегор помялся, шмыгнул носом.

– И быт держат маги там иначе. Наши, вон, – он мотнул головой в сторону башен, – обособленные, нелюдимые, в замке попрятались, огородились от народа каменными стенами. Боятся?

– Ну да, – одобрил я, – в таверах засядут, не выглянут, глаза бесстыжие из под капюшонов не покажут. Чего там делают? Как с магией упражняются? Никто ведь не знает!

– Да ну их! – махнул Грегор. – Честно сказать, никакой голубчик не зазирает. Нужны больно!

Грегор тихо выругался, прочистил горло.

Слушая рудокопа, я перекидывал камешек из одной ямки

в другую, притаптывал, повторял снова.

– В Лагере Бродяг маги дела удобные решают, – продолжал он, – оттого уважение. Не задираются, хотя выше обитают.

– В прямом смысле слова... – добавил я. – Палаты стоят выше остальных.

– Маги Лагеря Бродяг помогают людям, интересуются чаяниями народа, спрашивают, чем подсобить, цены на эликсиры то и дело сбавляют. А наши... в лицо не смотрят, дела через чужие руки делают.

-
1. Скидки на эликсиры?
 2. Что значит, чужие руки? Что тебе известно?
 3. Откуда это ты столько знаешь про Лагерь Бродяг?
-

– Скидки на эликсиры?

Хр+

– Ну да. Конечно...

Грегор замялся, побледнел, боязливо глянул, и отвел взгляд.

– Да не переживай! – одернул я. – Я не ищу агентов Лагеря Бродяг. Если эликсирами по дешевке затовариваешься, не

значит, что агент, я тебя за такую курву не держу.

– Хорошо, парень, что так не считаешь. Вот только болтунов в последнее время развелось, не держат язык за зубами.

Грегор поставил руки на пояс, заметно порозовел. В глазах возникла уверенность.

1. Болтунов? Ха! А кто сейчас про скидку выдал?

2. Трепло, как ты, рассуждает про «язык за зубами»? Ты позоришь наш Лагерь!

3. Как получить скидку на эликсир? Обещаю, никому не расскажу. Можешь довериться.

– Как получить скидку на эликсир? Обещаю, никому не расскажу. Можешь довериться.

Хр+

– Ладно. Некоторые бы уже неслись к Торвальду, рассказывать про агентов в Лагере, получать награду. Думаю, тебе можно доверять.

1. Выкладывай уже!

2. Давай-давай! Выбора то нет!

3. Рот на замок!

– Рот на замок!

Хр+

– В общем так. Идешь к Харому, такой коротко стриженный маг. Говоришь, тебя послал Меркель и Харом скидывает цену.

– А Меркель в курсе, что от него столько народа идет?

– Так, слушай!

Грегор обозлился. Не то на меня, не то на свою болтливость. На лице выступили жилы, взгляд отвердел.

– Знают не многие, ты в их числе. Если будешь трепаться, шутить, по поводу и без, никакой скидки не дадут, сделают так, что в Лагерь Бродяг больше не пустят.

Прям уж, не пустят! Но я получил, что хотел, – эликсиры мне были не нужны, только информация, – потому закрыл пустую болтовню:

– Я понял. Не беспокойся.

– Рассчитываю на тебя.

Я невольно улыбнулся крайним словам.

Болтунов да пустобрехов по миру полно ходит. Не держатся, чтобы не выдать какой-нибудь секрет. Выложат все, что легко продать али попользовать!

Повелось так, в лагерях языками больно чесать любят. В нашем особенно.

Каждым шагом наткнешься на зеваку, или вполне ценного, занятого человека, – не важно – но охочего до разговору. Только дай повод дельной беседе или приятному общению по душам. Как говорят – болтать не запретишь, для того рот и дан. Ну и для эликсиров и еды.

Старатели тарыбарыть обожают, но уж больно уставшими вечером приходят. Как воротятся из шахты, плюхаются у костра рты набивать, пивом животы заливают. Никто не судит: киркой махать в шахте каждый устанет, потому рудокопов правильнее отлавливать в выходные, к утру позднему. Как выспятся, потянутся до хруста в костях, зевнут разок, чтоб во весь рот и за километр слышно, умоются наскоро, вот и начинай.

О шахте поведают, что за работы ведутся, не поджидают ли опасности где, о туннелях сообщат, чего в темных глубинах скал видывали, сколько наггетов присвоили сверх нормы.

Про наггеты дело понятное, нехитрое, привычное даже. Беседчик по плечу ободрительно похлопает, добра пожелает, чтоб в будущий раз особо не стеснялся, да карман посмелее расшил в скрытом месте.

Примерно вот что скажут: «Ты, Иосиф, знатно тыришь. Мне б твою науку, да на бумагу. Жаль, Иосиф, не ты, не я писать не умеем. Все бы в подробностях письмом изрекли. А

со слов не сподобливо. Забуду, мелочей не учту. Но тыришь ты знатно, Иосиф».

А кто ее, руду, считает? Навалом, и не кончится. А изведем, заторгуем тем, что добыли. Несгораемый оборот, говорят в Лагере.

Больше других трещат стражники. Оттого, что устают меньше, а скука пробирает чаще. Задача тут другая – не время подгадать, а ключик к таким людям подобрать. Разузнать, что интересуется, отчего забота на душе. Если сделать верно, развлекут тебя на добрые пару часов. Нагородят без умолку, не взирая на время суток и погоду. Рты у стражи, едва отворились, ставнями дубовыми не задвинуть.

Я направился в сторону торгова, по дороге встречались сонные обитатели, слева курили, справа жаловались друг другу. У торгова жарили на вертеле кухольня.

Болтает в лагерях безобидно не каждый. Бывает, сочинят. Закладут, будь здоров! Наволокут столько вранья и хвастанья, потом неделю не подойдешь – противно. Про таких говорят – припистошивает.

Припистошивателей достаточно, но все ж не руда. В Лагере Бродяг таких меньше. Зато больше шансов угодить в лапы настоящего мошенника, который наврет, только бы выгоду получить. Мошенники разные бывают. Кто обманет на пару наггетов, кто в проблемы затейные втравит – не отделаешься.

У торгова собирались со всех лагерей, предлагали свои товары, обменивались опытом, да чего скрывать – выпивали

часто, а рядом еще кто на гитаре поигрывает, перебор душевный затаяет. Загляденье!

Я общался с торгашами, приценивался к свиткам, щупал клинки, даже штаны рудокопа захотел примерить, но передумал в последний момент. Зачем?

Разговорился с парнем, который продавал болотную траву. Парень курил, и меня приманивал. Не удержался, купил кулечек на вечер. Приятный малый.

С Лагерем у Болота проще: припистошивателей меньше, а мошенники – не мошенники вовсе. Толи врать навыка не имеют, толи философия какая. Проще бы сказать, что курят много – вот и отучились. Не правда. Члены Лагеря у Болота на деле не лихие травакуры, как про них плетут. Больше курят любители, из других лагерей. Всенародное заблуждение.

– Ты ведь знаешь старейшину? – поинтересовался малый, что продал кулечек. Его звали Мелл.

– А то!

– Можешь передать отчет по продаже, а то я немного провинился перед своим ментором, если до старейшины дошла такая весть, лучше на глаза не попадаться.

– Передать можно, – я замер, вопрошая.

– Десять наггетов.

– Идет.

Во всех лагерях обожают отлынивать. Любое мало-мальское дело, случается, отдают на выполнение постороннему. Снизят выгоду себе порядком, отдав за поручение не лиш-

нюю горсть наггетов, совсем сдуру – свитками, эликсирами ценными прельстят. Сделают больше, чем сама награда за поручение, лишь бы не работать.

Я рассматривал товары, а краем уха уже слышал – близилась напевы:

...

Эх, радуга ты, радуга.

Веселишь меня!

Эх, радуга ты, радуга.

Жаль, что не моя!

Как жаль, что ты соседская,

Как жаль, что Коли Загорецкого!

...

Бард делал обход. Рано он сегодня! Я внимательнее стал слушать:

...

Ему из хижины видна,

А мне – из замка только фигу разглядеть.

Кого винить, кого мне ненавидеть?...

Остается лишь от наггетов балдеть!

Эх, радуга ты, радуга.

Веселишь меня!

Эх, радуга ты, радуга.

Жаль, что не моя!

*Пойду я по наклонной,
Осушу я кубок свой бездонный.
А чтобы слезы начисто отсечь,
Придется в небо больше не смотреть.*

*Эх, радуга ты, радуга.
Веселишь меня!
Эх, радуга ты, радуга.
Жаль, что не моя!*

...

Бард часто и шумно разгуливал по Лагерю, отношение к нему держалось неоднозначное. Частенько наскучивал, раздражал, прерывал тихие разговоры, порой вносил разлад в неторопливые думы.

Но бывало, слушали в радость. Простенькое, ненавязчиво рассказанное, приходилось по сердцу народу.

Потому гнать, не гнать, вопрос не подымался.

...

*Полный день скитался на природе –
Каждый уголочек прошерстил!
Не нашел я Грозный Меч,
Вернулся, кажется, с другим.*

...

Бард близился к торгу, другие стали привычно глазеть. Чего напоеет? Али изречет?

Была занятная особенность. Словоплет надевал высокий черный котелок на голову, из тканей, каких не было нигде. Откуда взял – не говорил. Так и оставили с котелком, ничего не предложили. А он радостный.

...

Мой корабль поднялся над водной гладью, запарил под небеса.

*Выбираясь из стальных объятий
Я изрек создателям – пока!*

...

Часто пел о странствиях, землях неведомых, все о каких-то мирах да морях. Мы ему – пой проще, вокруг что видишь, то и пой. А он все о морях да о мирах.

...

*Непонятными стали враги,
Мир глядит неприветливо.
Я не устану с дороги – с тоски
Я разучился уставать, я продолжу! Немедленно!*

Дайте время – дойду до финала доски!

*Не пугай меня мир непонятный,
Я давно уже пуганный, давно уже свой.
Пришел к тебе, я – гость безоглядный,
Соловьем заливаюсь, мчусь я, грозой.*

Я не выучил слов таких, правильных.

Чтоб тебе поугоднее,

Чтоб тебе по чутью.

Я дойду до конца – не маленький.

Пройду этот мир, я тебя победю!

...

Из толпы доносилось: «Во лапочет, во заливает!», «Что за хриндилюнина, Бард?», «Веселова штоле нет?»

– Я сейчас! Гармошка моя остывает!

– Мы те ща наденем на голову! Гармошку твою!

Торг дружно заржал. Кажется, ржали навесы и товары, земля под ногами тряслась.

Бард, понятно дело, обиделся, ушел восвояси. Я не дразнил, но и против коллектива идти – не правильно.

После песнопений Барда, я решил ободриться и направился к местному повару ухватить ежедневную порцию стряпни. День только начинался.

Готовку почуял за версту. Жителей Лагерьа ждал забористый супец из дикой марошки и плодов кулябиня.

Бульон традиционно из мяса бурдука. А что, ходовая пища, охотники частенько приносят.

Повар готовил супы. Все, он считал, были разными. На деле же напоминали один о другом.

Но это не важно. После стряпни я чувствовал прилив сил, до полудня он не иссекал.

Олли, местный повар, готовил для людей попроще. Твер-

до, будто на поле брани, стоял на раздаче у котелка, ожидая наплыва голодных fellas.

Поварской фартук, когда-то белый, выносил многие подробности готовки. На голову Олли надевал синюю фуражку, и я не мог взять в толк, почему именно синюю. Но спрашивать стеснялся. Обиделся повар – не видать супов, прибавку силы до конца полудня.

Олли был рослым, плотно сбитым мужчиной с опрятной бородкой. Невозможно представить его фигуру без дымящегося котелка позади: точно котелок ходил за поваром.

Всех наших приветствовал традиционным «Как поживаешь? Вот твоя порция супа». Даже не спрашивал, хочешь суп или пришел говорить. Миска сразу оказывалась в руках.

– Как поживаешь? Вот твоя порция супа.

Не долго думая, я осушил миску.

На вкус супец оказался таким же, как вчера. Бульон чуть водянистый, не наваристый, но с отличным ароматом свежей бурдучины. И марошка с кулябином не подвела. Кулябинь чуть сладковатый, как нужно, марошка волокнистая, мягкая, точно с куста. Скушаешь – миску до последней капли оближешь. А ему приятно: смотрит, улыбается.

Strength +

– Олли, суп бесподобен!

– Приходи за новой порцией завтра, рецепт останется

прежним.

Олли растекся в блаженной улыбке, а я, перебрав несколько вещей в инвентаре, решился, наконец, спросить про кепку. Но как часто бывает, одернул незнакомый Shadow:

– Ты к Лагерю у Болота заходишь? – поинтересовался тот.

– Да. Дело есть?

– Еще какое! – приосанился он.

– Выкладывай.

– Нужно кое-что передать кое-кому, – задумчиво произнес Shadow, с короткими паузами через каждое слово. – Интересно?

Я глянул на мужичка, облаченного в красную броню. Голова похожа на ожившую кружку, в какую обычно наливают пиво. Вместо пены, на вершине росла чернявая сосульчатая копна волос, напоминавшая Дикий Лес. Гуща Леса наклонялась вперед, пошатывалась влево-вправо, выглядела как отдельный мир.

– Весь во внимании, – с показной заинтересованностью ответил я.

На самом деле от подвернувшегося дела ничего не хотелось, кроме награды. А интереса было меньше чем наггетов у транжиры.

Shadow развел руками, лес изменил положение, качнувшись влево.

– Что? – спросил я озадаченно, не понимая значения же-

ста.

– Тут такое дело... – вдруг запнулся он. – Много заплатить не смогу...

Мужчина в красной броне положил руки на пояс и принялся слушать мой ответ.

1. Ты всегда начинаешь разговор с посыльным с подобных слов?

2. Я на многое и не рассчитывал. Выкладывай!

3. Прикрой свой яп и свали от меня! Я тебе не мальчик, чтобы бегать на другой конец мира без платы!

– Ты всегда начинаешь разговор с посыльным с подобных слов?

– Слушай, я бы рад дать больше... – принялся оправдываться мужичок. – Сейчас жидковато с наггетами. Если хочешь, компенсирую свитками.

Он глядел с долей ехидства, красная броня действовала отвлечением. Человек-обманщик, врун – я сразу понял. Норовят отвлечь внимание броскими вещами, втаскивают в сомнительное дело, от которого позже мечтаешь отвязаться.

1. О какой сумме идет речь?

2. Оставь свои жалкие наггеты, лоулайфер!

– О какой сумме идет речь?

– Двадцать наггетов и свиток огненной стрелы будут твоими, коли выполнишь несложное дельце! – с показной уверенностью выпалил мужичок и качнул лес на голове вправо.

1. Тридцать и два свитка.

2. Пятьдесят и оставь свитки себе.

– Тридцать и два свитка.

– Слушай, парень, я же сказала, с наггетами нынче сложно, – хитрец глядел недружелюбно, из-под насупленных бровей вырывалось недоверие. – Но если настаиваешь... Двадцать пять и два свитка!

1. Разводи других! Меньше чем за пятьдесят не возьмусь!

2. По рукам.

3. Тридцать и один свиток.

– Тридцать и один свиток, – настаивал я.

Shadow почесал лоб, прямо возле края Лесного Мира:

– Ты не оставляешь выбора.

– Выбор есть всегда.

– Закладывай другим! Где видал-то, выбор этот? Зато торгаш из тебя неплохой бы вышел.

– Не торгаш я. Просто наггеты берегу.

Shadow задумался, почесал лес, отчего там наверняка произошло целое событие.

– Ладно. По рукам.

1. По рукам.

2. Наггеты давай сразу, свитки позже. Я тороплюсь.

3. Что насчет предоплаты?

– Что насчет предоплаты?

Хр+

– Парень, да ты нарываешься что ли?

– Хорошего посыльного нынче сложно отыскать, норовят сжульничать. Недавно сам оказался в похожей ситуации. Выбрал wrong guy for my task. Надеюсь, ты подобных ошибок не совершишь.

– Ладно. Ладно! – сердито выпалил он.

Из Лагеря вышел со свитком и пятнадцатью наггетами. Ничего отдавать не обязан был. Вещи надо воротить из Лагеря у Болота, и передать ленивому Shadow. Тот даже учтиво составил перечень, лишь бы не поднимать пятую точку.

Первым квестом направился к отщепенцу.

Когда-то слыл приличным малым, занимался порядочными делами, охотливо беседовал, кушал местное, думал с другими, слушал, что рассказывают, с уважением и толком.

Нынче один, укрылся в пещере от мира, бытует отшельником.

А все почему? – мужичок решил, не нужны строгие, как тот назвал, правила, и пошел, куда глаза глядят. А глаза глядели на пещеру.

Я вышел с северных ворот, поглядел на стража. Стоял вольготно, обиденно серьезен, работу изображал.

– Как обстановка?

– Как обычно.

– Никто посторонний не входил?

– Иди-ка ты... по своим делам.

Ну вот и перекинулись!

Двигался не спеша, по знакомой дороге, протоптанной бесчисленными парами сапог. День занимался, грело солнце, тут и там раздавались голоса птиц, поигрывал ветерок.

Я свернул с накатанного маршрута в небольшой прилесок, углубился. Аромат пожухлой листвы под ногами, свежесть, выше – ветви колыхаются.

Из-за дерева внезапно выскочил кухолень, направился в мою сторону. Я достал меч и начал выполнять привычную связку.

Влево, вправо, выпад, влево,

Хр +

вправо, двойной выпад!

Кухолень повалился до второго выпада, но рука и тело завершили комбинацию, рассекая мечом воздух до свиста. Я двинулся левее и позади куста обнаружил еще одного.

Влево, вправо, выпад, влево, вправо, двойной выпад!

Меч выдавал пируэты, сек пустоту. Кухолень сторонился, и я едва попадал.

Влево, вправо, выпад, влево, вправо, двойной выпад!

Хр +

Избавившись, наконец, от кухольня-пронеры, я убрал меч в ножны, собрал немного ягоды, веточку цинбера. Поглядел вокруг, и вышел из прилеска.

За ним важно стояла невысокая гора. На теле выступали платформы, словно бы умышленно вытесанные неведомым разумом, по которым я устремился вверх, к пещере отшельника.

Подниматься оказалось просто. Я двигался вперед и пры-

гал, а тело, созданное для подобных хитростей, быстро хваталось за уступ и лихо поднималось на следующую платформу.

С платформы на платформу, с платформы на платформу – вот и одолел подъем, оказался у входа в пещеру.

С высоты открылся чудный вид. Из-за прилеска выглядели каменные верхушки башен, облака прозрачной дымкой растекались по ясному небу. Пещера находилась недалеко от Лагеря, и я подумал, что прохиндей, наблюдая кусочек Родного Лагеря одумается, вернется.

Я зашел в пещеру, где скромно горел факелок, примощенный к стене. Пещера обжитая, уютная, отшельник здесь давно навел порядок.

Войдя с улицы, было непривычно темно, но я с интересом разглядывал мебель, которую соорудил отщепенец.

Грубые небольшие скамеечки расставлены по жилищу, на одной навалены разномастные вещи для быта, одежда, на другой аккуратно составлены пустые склянки.

В конце пещеры примостился скромный обеденный столик, широкая скамья. Стульев не было, собирать хлопотно и дорого – материал придется заказывать или покупать готовый. А скамьи что? Сам срубил, распилил, обтесал, друг к дружке приладил. Только инструмент потребен, и то – минимум.

– Эй!

Предо мной стоял довольно рыхлый на вид мужичок в из-

рядно потертой одежде. Я решил, такому и в шахту стыдно спускаться.

Наши-то, рудокопчики, одевались по моде, не хуже торговца всякого, правда, замызганные бывали. Иной раз воротятся с такими грязными лицами, что зубы и глаза белизной сверкают, рубашка в негодность пришла, а руки точно в глине целый день возили.

Все же, мужичок не вызывал впечатление опустившегося бродяги. Отщепенец, сбежавший из лагеря по собственной воле, потрепанный и забытый. Отшельничество затянулось на неопределенный срок.

1. Ты здесь совсем один?
2. Я принес тебе пиво и сыр.
3. Торговать.

– Я принес тебе пиво и сыр.

Хр+

– Вот спасибо!

Отшельник вкусно и долго хлебал пиво. Вытерев рукавом губы, принялся за сыр.

1. Ты тут совсем один?
 2. Торговать.
-

Я решил немного поторговать с отшельником. Отыскал в продаже занятную вещь – трубку для табака.

Длинный мундштук, чаша бубенчиком, а вся – цвета светлого дерева. Я повертел трубку в руке, убрал в инвентарь.

1. Ты тут совсем один?
 2. Торговать.
-

– Ты тут совсем один?

– А кого еще надо? У меня все, что требуется. Никаких проблем.

– Не скучаешь по Лагерю?

– Устал я от него. Надоело местным в глаза смотреть. Одно и то же каждый день.

– Не боишься, что Магнат захочет вернуть в Лагерь?

– Меня? Не смехи, – он отмахнулся. – Магнату только карманы набить, да власть показать. И чтобы все стабильно.

– А Свита?

– А много надо им? Краюха с магнатского стола любого

богатым делает.

– Наверное, ты прав!

1. Ты тут совсем один?

2. Торговать.

Решил я купить немного съестного.

– Где ты достаемшь припасы?

– У меня огородик неподалеку. Сам кормлюсь, покупай смело.

Я расплатился за продукты и засобирался в дорогу.

– Ты заходи, если что, – сказал отшельник.

– Свидимся!

Я окинул беглым взглядом жилище и ушел.

Вторым квестом был визит в пещеру, что через пропасть за небольшой поляной. Подговорил меня один торговец, Затребом звать, веротить ему фигурку дракона. Отобрали дракона гоблины, когда Затреб возвращался из Лагеря у Болота. Напали толпой да ограбили. На милость, ничего ценного у Затреба не было, все продал в поселении, кроме железного дракона. Уж очень ценен он торговцу показался, но лезть в пещеру Затреб не решился, памятуя, как позорно его обчистила какая-то шайка серых гоблинов.

В пути я следил за погодой, примечая всякие изменения.

День выдался солнечный. Жёсткая трава, обычно выносившая, потихоньку начала уставать.

По знакомой дороге легко идти. То и дело я вынимал оружие, размахивал, повторяя заученные движения. Прыгал на бегу, ускоряя путь, тренировал блок. А еще – собирал растения, редко встречавшиеся: серафису или клябу заметишь, нагнешься да быстро заберешь.

Вскоре подошел к обозначенному месту: деревянный мост парил над пропастью, выводя путника на компактную поляну, едва покрытую жиденькой травкой, за которой был виден вход в пещеру. Как держался мост, понять было сложно. Любое рукотворное подобного толка вызывало во мне легкую оторопь, ведь неясно, кто и когда последний раз проверял надежность.

Однако все в нашем мире существовало по наитию. Вон мост, построенный бесконечность назад, но никто даже не задумывается, откуда он появился, исправен ли, надлежаще выполняет задачу? С ним что делать, только пройти по нему? Безрассудно и смело, даже глазом не моргнув? И все? Откуда ко мне приходили подобные рассуждения – не внять.

Осторожно пройдя по скрипучему мосту, я выбрался на поляну. Впереди зиял непроглядный вход в огромную пещеру. Я запалил факел и направился внутрь.

Loading...

В пещере, похожей на соляную шахту и нору гигантского зверя одновременно, я немедленно погасил факел, ведь нужда отпала – стены пещеры оказались вдоль увешаны магическими пламенниками. Если бы не они, легко потеряться в крошечной тьме грота.

Я продвигался в глубь, тут и там попадались причудливые сталактиты, грибы, а еще всякая мелочь, большей частью негодные предметы, оставленные многими посетителями за ненадобностью. Что забирал, сразу прикидывал, за сколько пойдет на торге, кое-что выкидывал, а к части не притрагивался. Можно конечно собирать подчистую, да не мелочный я, чтобы за каждый нагет бороться.

Стены выровнялись, приобретая неестественную гладкость, проступали тусклые рисунки, оголенные пламенниками. И чем дальше я уходил, тем причудливее становились рисунки на стенах. Непонятные существа и люди в набедренных повязках, с головами быков и птиц, изображения огня и магии, а еще – непонятные, объемные иероглифы, кое-где сбитые, перечеркнутые. Целая история развернулась на гладких стенах грота, но там же и осталась, ничего не поведав.

Показалась развилка. Я повернул направо, но уперся в тупик – проход был завален гигантским камнем. Я вернулся к развилке и пошел по левой стороне пещеры. Там начинался длинный туннель, уходящий далеко, что конца не было видно, и пламенников не горело, только редкие тусклые фа-

келы, которые прилично коптели и гадили воздух. Из далекой темноты доносились отрывистые криканья. Они усиливались, покуда я продвигался. И вот показался враг – серый гоблин с дубиной наперевес. Он выбежал из темноты прямо на свет факела и стал колотить грубым орудием по земле.

Недолго думая я прикончил болвана:

Хр+

Пришлось повозиться, ведь серые гоблины весьма юркие, и хотя поодиночке опасности почти не представляют, объединившись, стремятся окружить врага. Меч у меня один, и две руки, потому справиться с гоблинами решил с помощью излюбленной тактики – выманивать по одному, и спокойно практиковать изученные комбинации, не забывая про блок: влево, вправо, выпад, защита, влево, вправо, двойной выпад!

Хр+

Вправо, выпад, защита, влево, вправо...

Хр+

Защита, выпад, защита, влево, вправо, влево, вправо...

Хр+

Влево, вправо, выпад, защита, влево, вправо, двойной выпад!

Хр+

Истребляя гоблинов по одному, я вплотную подобрался к нехитрому логову. Внутри оставалось несколько крякающих супостатов, но я, усевшись возле стены с факелом, стал жевать марошку и закусывать хлебом – необходимо было восстановить силы после коротких, вместе с тем выматывающих схваток.

Подкрепившись, я смело ворвался. Возле малого костра прыгали и бесновались двое гоблинов, видно пугать хотели. Они смешно выставлялись перед боем: прыгали с ноги на ногу, вытягивая нехитрые орудия впереди себя, стучали ими по земле и постоянно крякали. По-другому не умели.

Рядом с костром находился сундук, приличный в размерах, и совсем не ассоциировался с обитателями пещеры, ведь гоблины только на чужих или заброшенных местах умеют делать жилища, своего ничего, кроме палки, да и ту отобрали, а чаще – нашли. Сундук был замызганный, точно на нем прыгали, двигали без толку.

В логове только двое, а я полон сил, справился с ними уверенно, разве только мечом сек проворнее.

Хр+

Хр+

Попадали остатки шайки, я сразу ринулся к сундуку, чего на них время тратить? Сундук, простой с виду, не поддавался отмычке, пришлось смотреть гоблинов. У одного обнаружился ключ, такой же бывалый, как и сундук.

Замок поддался, передо мной развернулось содержание сундука: горсточка бесполезных монет, пара свитков, довольно сносных, ходовых; еще тут были эликсиры и самое главное, цель моего визита – металлическая фигурка дракона. Она помещалась на ладонь, приятно холодила, оставляя впечатление искусной безделушки. Такую сладко держать в руках, водить кончиками пальцев по железной чешуйке, трогать мордочку. Отрадная, но бесполезная вещица.

Я захлопнул крышку, уже собирался уходить, но потом подумал и кинул ключ подле сундука. Авось другим пригодится.

Loading...

Возвращался словно из ночи в утро: слепило солнце, и глаза привыкали. После пещеры воздух был бархатным и сладким. Немного жмурясь, осторожно шел по мосту, тот поскрипывал, но впечатление оставлял хорошее. Добротная

вещь, надежная. Заступив на твердую землю, я уже не боялся по нему ходить.

Глаза почти адаптировались, и стало видно – день двигался к вечеру, хотя было еще довольно светло.

Добравшись до Лагеря, сразу же отправился на торг и скинул ненужное барахло. Платили немного, но все же нагеты не достаются даром и на дороге не валяются. Да и не торговец я, честь надо знать.

Затреб привычно стоял за прилавком, разглядывая проходящих на торг. На меня он внимания не обращал.

Я кивнул:

1. Я нашел фигурку дракона.
2. Я пришел куда ты говорил, но в сундуке ничего не оказалось кроме эликсиров и пары свитков.
3. Где конкретно находится пещера?

– Я нашел фигурку дракона.

an item given

Хр+

– Отлично! Вот твоя награда!

Nuggets+

Я получил обещанные наггеты.

Однако потерпел незначительные затраты, не говоря о том, что Затреб приукрасил квест, обрисовав все в радужных тонах, не предупредив, что гоблинов может быть намного больше. Ведь только благодаря своим навыкам я грамотно разобрался с шайкой.

– Гоблинов была целая пещера. Пришлось попотеть!

– Угу.

– Не ожидал я такого отпора, прямо скажу, не ожидал...

– И? – Затреб посмотрел недовольно.

1. Затраты я понес. Наггетов добавить надо.

2. Просто говорю. Задание оказалось... затратным.

3 Чего вылупился? Наггеты зажопил?

– Затраты я понес. Наггетов добавить надо.

Хр+

Я не стушевался и затребовал наггетов вполне справедливо. Затреб помялся, но позицию принял:

– Сколько хочешь?

-
1. А сколько дашь!
 2. Плюс двадцать наггетов.
 3. Эликсиры надо возместить и еду! Гони-ка ты сотку!
-

– Плюс двадцать наггетов.

Торговец снова помялся, почесал подбородок, но в итоге согласился.

Nuggets+

Довольный, я отправился по другим делам.

Вкусно дымил костер, готовили птицу на вертеле, шли живые разговоры, жаловались друг другу, восклицали. Людей немного, вокруг тихо и спокойно.

Одежда у собеседника потертая, засаленная; взгляд слегка потухший, исподлобья, вроде разрешения просит, но когда говорит, жизнерадостен, заинтересован в разговоре, внимательно слушает.

– Твой-то, ночлег, не жмет?

– В хижине чуточку тесно, это правда, будто стены да-

вят, – отвечаю старателю. – Временами даже неудобно бывает, а в целом – спать здесь неплохо. Лучше чем в обрушенной башне, снаружи за стенами, или, того гляди, в сырой пещере.

– Это вот, это ты прав. Вот здесья всяко лучше, чего там! – одобрительно закивал работяга.

– Как-то спал возле речки, – я завел рассказ, – у потухшего костра. Недалеко волки бродили, врены кружили.

Старатель громко выдохнул.

– Кто угодно шатался, там лес стоит в двух шагах от ночлега, густой, дремучий. Зайдешь – неба не видно! Листва шелестит, шорохи едва уловимые гуляют.

Рудокоп почесал затылок:

– Еге, местечко-то, не из приятных, чего говорить.

– В общем, проснулся на заре и огляделся: трава росой покрыта, как в серебре, лес дремлет, затаил разных зверей да смолкнувших птиц, холодок носится по округе едва заметный, – старатель округлил глаза. – Я прилично озяб, заторопился готовить костер, не желая привести в гости незваных гостей. В хижине подобных дел не случается.

– Ну и рассказчик! Закладываешь знатно, слушаешь – как читаешь.

Тут старатель взялся за густую черную бороду, пощупал грубыми пальцами, пошуршал, затейливо добавил:

– Хотя читать я не умею, но так говорят. А в лес уж редко захожу, не хватало на Лохмача нарваться! Хорошо, что бе-

гаю, лучше чем читаю.

Я слушал старателя, поощряя порыв к разговору. Видно давно-давно хотел выговориться, а тут собеседник – золото! Внимательный, поддакивает, соглашается.

– Леса не боюсь. Помимо опасностей, секретов там видно-невиданно. Попрятано всякого от глаз ленивых, тропинок и не счесть. Главное тут что?

– Что? – искренне удивился старатель.

– Не искать, а наостриться, обращать взгляд на неприметные места. Вроде как – действовать от противного.

– Я, этово, пока искать буду, сам заблужусь. Я на земле ориентируюсь плохо, хоть две карты нарисуй, заплутаю. То-ли дело в море! – по лицу рудокопа прошла загадочная улыбка, во взгляде оживилось давно забытое, но важное, не стираемое из памяти. – Я тебе как-нибудь расскажу, – рудокоп сбавил голос, – да только не здесь, ушей много!

Старатель подумал, чего еще спросить.

– А просыпаешься ты как?

– Просыпаюсь быстро. Только время приходит, сразу как штык. Поднялся с постели, а сна ни в глазу.

– Эвоно как!

– Дел то полно! Народ работу предлагает, отказываться глупо. Правильно говорят: «Делать – не переделывать». Как бывает? То выслужиться надо, то чего передать не задаром, с торговцами дела завести. А те резвые на обман, жадные, заразы, ничего в убыток не продадут, за товар дают меньше

положенного.

– Ага...

– Иногда вздумается, дела по кругу маршируют. В центре я стою, кидаюсь на каждое, даже самое пустое. А иногда решу в голове, вот незадача, будто половину хлопот уже переделывал по нескольку раз!

Я замялся, задумался. Рудокоп слушал с интересом, открыв рот.

– Бывает, конечно, сам в приключения рвешься, по собственному убеждению, дух авантюризма зовет. Тогда впрок надо запастись! Провизию пересчитать, оружие проверить, разориться на несколько магических эликсиров, свитков с заклинаниями купить – они в пути точно не помеха. Я не сильно грамотный, но свитки читать умею.

– А я тожа... – только успевал добавлять старатель.

Разговорил меня, чертяга!

– Да в целом я способный. За короткое время, что расскажут и покажут, лихо выучу без лишних слов. Мне только дай. Видать, оттого многие на контакт идут, дела делают. Даже подлые зазнайки не откажутся от связей со мной. И говорить умею. Уболтаю любого проныру, если так решится. Лишь бы повод был. Недавно выторговал сбавку на редкий свиток, который затем сполна отбил цену. Пошантажировал парня, припер к стенке, тому и деваться некуда. Повод не великий, мстить не станет. Меру надо знать.

Чувствуя, как меня понесло, я замолк, наговорившись

вдоволь.

– Мдаа... грамотный видать, – только и добавил старатель.

– Пойду я, Блэйк.

– Покедова-покедова, случится – у костра встретимся, покурим.

– А как же!

К вечеру подтягивались рудокопы, сменялись стражники. Лагерь наполнился уставшими голубчиками, охали-вздыхали, громко смеялись, готовили пищу, выпивали. Как без этого?

Примкнув к собравшимся у костра, не хотелось уходить. Решил в Дикий Лес идти завтра, с янтарем в зените. А пока время шло медленно, позволяя насладиться завершением дня. Сколько раз ходил по лагерям и весям, все не уставал наслаждаться вечерними посиделками. Так сердцу легко и свободно делается, когда вечером собираются вместе.

Диалоги разные ведутся, ты слушаешь:

– Какие новости в шахте?

– Маши киркой, да не верещи. Сколько сможешь тайком унести, столько и заработал!

Со стороны раздается:

– А то!

– А тебе-то куда тырить!.. ты стражу боишься. Не быть тебе в страже!

Или про охоту:

– Каждый раз туда ходим, как выходные намечаются.

Неописуемое место. Дичи – полный прилесок, и возле пруда шлындает!

– А в лес?

– А что туда? Одних постреляем, в другой раз за новыми приходим. В лесу даже не проверяли. Чего на стрелы трагиться?

– Ага, все не вернешь, а покупать – разоришься.

Вот уже настала ночь, вокруг уютливо-темно. Через прозрачный купол взору предстало мерцание ярких, точно лущащихся камешков на небе, звезд.

Свечение расходилось над Лагерем, и там – за бревенчатым тыном: над густым лесом, холмом, поросшим сочной травой, Лагерем у Болота и над каждым уголком мира.

Но света того была горсть, посыпанная с неба. А здесь, в компании голубчиков, помогали костры. Освещались задумчивые, но в целом довольные лица; красная броня Shadows отдавала темным рубином, доспехи стражников грозно, под вспышки пламени, зажигались холодным металлом, а скромные одежды старателей редко показывались – и то слава.

Голубчики вели тихие разговоры, добрая половина Лагеря спала. Я слушал.

Вдалеке послышалась гитара – поздновато, не как вчера. Кто-то закурил болотную траву, воздух смешался с едким дурманом. Я чуточку пошелестел инвентарь и тоже собрался на боковую.

Потихоньку расходились, костер затухал. По краям уголь-

ки курились дымком, когда-то яркое пламя давало слабый мерцающий свет. Старатель поддавал последнюю хворостинку.

Я отправился в хижину, где слушал гитарные переборы. Это рудокоп Ник играл. Хороший малый, отлично работал пальцами, знал свое дело. Не надоедал, всегда играл по теме. Утром бодренький мотив, в обед спокойное. К вечеру заводил программу – от увеселительных резвых аккордов до неспешных, чуть слышных переборов.

Я закрыл глаза, и вот уже вставал с постели в новом дне. Встаю я бодро, не чета лежебокам-зевальщикам.

Отправлялся поздним утром, хотя казалось, что вечерело. Светило куда-то подевалось. День случился пасмурным, небо затянуло хмурыми облаками, которые сливаясь, покрывали небосвод холодной серой массой.

В том утре-вечере я побрел неторопливо навстречу приключениям.

Иногда подпрыгивал, встречая мелкое препятствие, резкий пологий склон. Ведь если бежишь и прыгаешь одновременно, все равно двигаешься вперед.

Отойдя от Лагеря на приличное расстояние, оглянулся.

Куда подевался просторный двор с будничными раскатистыми голосинами жильцов, вечными спорами, душевными посиделками у костра? Пропали милые сердцу хижины, нехитро обставленные внутри. Пропал Олли, с вечно дымящимся котлом позади.

Все превратилось в миниатюрную территорию, плотно обнесенную бревенчатым тыном. С замком и башнями посредине, словно картинка из сказочного сна; оно – лагерем не назовешь – стало крохотным, плавучим и хрупким в пространстве, скрытым от дальних глаз волокном нашего мира.

Издали не понять, что происходит за бревнами. Какие в каменной глубине замка идут распри и дела, кто ходит-бродит в нем, что носят на телах, какими голосами вторят друг другу вежливые небылицы и чистую правду, и все ли факелы просмолены на ночь?

Теперь ничего не видать. Лишь сказочный образ, какой посмотришь в грезах.

Поразительно, как меняется представление об объекте, только потеряешь из виду.

Вот поживешь вдали от дома, привыкнешь хорошенько, так и забудешь дом, где жил. И не вспомнить, чем занимался, кем был, о чем думал.

Не вспомнить будет, *кто* ты был.

Пройдя лес вдоль реки, вышел к опушке, где бродили разномастные звери, собирались в стаи. Недалеко находился проход в Дикий Лес, его отсюда было не видать. Подойдешь к горе, на которую не взобраться, проход появится.

На подступах к проходу, ведущему в Лес, ждала неприятность – стая из пяти голодных ящуров. Я пытался осторожно обойти опасных хищников, но заметили. Уносил ноги, уводя стаю за собой.

Ящурьы передвигались лихо. Пришлось искать укрытие – соревноваться с ними в скорости я не собирался.

Нужно было такое место, куда бы те не смогли взобраться.

Сразу привлек внимание одинокий, на склоне горы, камень. Он был огромен, примерно в три человеческих роста и диаметром с башенку, такую, что у нас в Лагере на северных воротах из бревен соорудили.

Но то башня, в нее попасть сил не требуется, лесенку приладили. А тут – целая проблема. А что делать? Других вариантов я не видел.

Приходилось цепляться за редкие, зыбкие уступы. Каждый раз случалось контролировать – надежна ли хватка, не соскользнет рука?

Глаза боятся, руки делают. Я все же изловчился и взобрался.

С верхушки камня казалось, он еще выше: хорошо просматривался лес с журчащей рекой, пересекающей чащу и выглядывающей у опушки – там бродила разная живность.

На камне безопасно. Ящурьы лазать вверх не умели. Только бегали на задних лапах да челюстями клацали, мордой в камень упирались. А пасть разинут, так во всю хавальню зубы острые, как у волка. И то: завидовать станет.

С одной такой тварью справиться не трудно, может, и с двумя совладаешь. Но коли больше – уноси ноги.

Переведа дух, я осознал положение: ящурьы не спешили уходить. Стал задумываться, как их прогнать.

Покидал мелкие камушки, побранился бойко, но тем все до факела. Сопели, спотыкались о камень, идя на пролом. Бестолковые создания!

Тогда я решил отвлечь хищников, а сам – незаметно слезть с камня и тихо ушмыгнуть.

Отдавать зубастым лепешки было жалко, колбаса просилась остаться. Пошелестев в инвентаре, остановился на сыре, совсем не думая, подойдет ли ящурам такая подачка.

Сомнения оправдались: сначала преследователи оживленно бежали к сыру, слетевшему с камня, осторожно нюхали, потом словно домашние питомцы, поднимали глазенки и вопрошая, застывали.

Пришлось отдавать колбасу. Завязалась схватка за ароматный батон, а я всю пользуясь представившимся моментом, второпях спускаясь на землю и слыша краем уха злобные беснования зубастых тварей.

Дикий Лес

Дикий Лес стоял в нашем мире давно, и, вне всякого сомнения, был не в диковину обитателям лагерей. Но происхождение Леса оставалось тайной, свободной от печатей.

Дикий Лес был тем нечто, что принято называть *«тут стоял, всегда ходили»*. Что поделать, ведь о вещах, которые объяснить не получается, говорить не принято.

Мы знаем, как возник наш Лагерь, Лагерь Бродяг, Болотный лагерь, origin практически всех земель известен, кроме Леса.

Вновь оказавшись в знакомом и загадочном месте одновременно, я долго не решался пройти в глубь. Топтался у прохода, который пронизывал огромную гору и вел на Большую Землю.

Со стороны Леса проход выглядел радужным, безоблачным, словно отправлял в место без печалей. С Большой Земли – мрачным, заволоченным тьмой. Уходить из Леса по проходу для путника всегда угоднее.

Я оглядывал местность, силясь уловить нечто иное, незнакомое: Дикий Лес наполнен безлиственными деревьями тяжелого угольного цвета, аккуратно уставленными по всей площади. Как если бы кто из богов расставлял загадочные деревца угодливым порядком. Меж зарослей деревьев про-

ходили узкие тропинки, вытопанные неизвестным. Я подумал, здесь столько не ходят.

Не ходят в Лес почасту оттого, что монстры невиданные совершают здесь гespawп волшебный. Вот отведает гадюка лесная булавушки тяжелой, наземь падет, да растает. А приходишь снова, диву даешься. Откуда? Вон. Стоит-переминается да клычищами цалакает, бородой мотает, копытом топает. Откуда клычищи такие? Пасть открыть толком не может.

Напрыгнешь в который раз на зверя сказочного, паскуду колдовскую, с мечом заготовленным. Да и снова тает на земле, от силы приложенной.

Побывать в Диком Лесу доводилось редко, но каждое появление оставляло самые яркие впечатления. Они переносились со мной в Родной Лагерь, вспыхивали с пущей силой, когда с приятным волнением в теле и откликом в сердце беседчика, детали обрастали новыми подробностями, едва коснешься воспоминаний о приключении. За день пребывания в Лесу наберется столько устных personal chronicles, потом ни один стражник не отлипнет, с расспросами пристанет на добрые часы. Это вот если ты не душа компании – сходи-ка сюда, станешь!

Но в Дикий Лес не только за впечатлениями ходят. Здесь каждый ищет что-то свое, усерден в поисках.

Зачем я в Лес ходил – стыдно сказать. За грибами!

Растут в Диком Лесу редкие Темные Грибы. На вид обык-

новенные, но свойствами целебными наделенные. Мало кто знает – качествами болотной травы обладают. Как вышло, никто не расскажет.

Знают немногие, потому ведь что управляют с Темными Грибами избранные жители Болотного Лагеря. Чтоб сподобились приготовить чего из Грибов, дружбу водить надо. Сам правильно не засушишь – навыка нет.

Да не просто собирать грибы в Диком Лесу! Не каждый знает, что грибов в инвентарь накидать – мало дела. Грибы отобрать надо, не нарвавшись на Ложный Гриб. Про ложные грибы почти никто не ведает – не растут в обычном лесу. Но в Диком – иное дело. Лучше поганый Гриб знать, иначе до дома ковылять придется.

А еще, не каждый Темный Гриб наделен качествами, что трава на Болоте. Если Темный Гриб целебный, но без качеств болотной травы, я такой оставлю. За время вылазок в Лес, шибко наострился отбирать правильные темные грибы, только завидев.

Я рысил по округе, проскакивая меж чернильных деревьев, опасно оглядывался. Пред глазами стояли редкие, будто прореженные по чьей угоде агатовые стволы. Но брось взгляд вдаль – превращались в пушистые и дремучие, с торчащими ветками-саблями. Листика не встретить, дупла не увидеть, все деревья – точно декорации. Стоят недвижимо в глубокой тишине, от ветра не шелохнутся.

Радужный проход пропал из виду. Я оказался в гуще Леса,

сухой и темной дремоте. Здесь волшебный герпавн и настиг.

Из логова, внутренностей вечного безмолвия, выскочила тварь похожая на прямоходящего барана в ржавых доспехах, на пару человеческих голов выше меня. Сухая редкая борода свисала с морды чудища, глаза бегали из стороны в сторону, а ноздри выпускали пар, словно у гадины внутри томилась печь. Лапами зверь вцепился в здоровенный топор. До того старый и затупленный, что орудовать таким можно было исключительно как железякой.

Я атаковал врага, принявшись работать мечом во всю мочь. *Влево, вправо, выпад, защита, влево, вправо, двойной выпад!* Меч сек тварину, звенела ржавая броня. *Влево, вправо, выпад, защита, влево, вправо, двойной выпад!* Я принимал оборону, и снова пускался в схватку. *Влево, вправо, выпад...*

Хр+

Зверь падал медленно. Рыча, обрушился на колени, выпуская из лап громадный топор. Из ноздрей повалил пар, затем колдовская подлюга рухнула наземь, подняв прилично пыли. Прошла секунда и тварь стала медленно таять.

Я убрал меч в ножны, заспешил рассматривать деревья, подле которых таял супостат. На том месте часть стволов почернела пуще прежнего и напоминала смолу. По мере иставания монстра, деревья возвращали прежний окрас. Когда

тварь полностью исчезла, следов смолы не осталось.

Я заглянул дальше, откуда выскочила тварюга, и обнаружил темную поляну. Совсем малую, на ней небогато выстроились грибы.

Приметив два подходящих гриба и убрав добычу в инвентарь, я отправился дальше.

Из поляны вышел на тропинку, где встретил нового монстра.

Двухголовый здоровяк, зеленокожий, моргал двумя глазами – по одному на каждую голову. Правой рукой дылда нерасторопно покачивал грубую дубину.

Я вытащил из ножен меч и принялся решать, как завалить зеленого моргалу. Монстр бездействовал, продолжая покачивать дубину. Точно стоял в карауле!

Выдумав способ победить, я начал действовать.

Изловчившись, зашел со спины. Только занося меч, увидел реакцию здоровяка – тот завыл и поднял оружие.

Влево, вправо, выпад, влево, вправо, двойной выпад!

Зеленый дурында с грохотом обрушил дубину на землю. Я ощутил вибрацию, идущую по земле. От места удара расходились волны розовой субстанции, и тут же исчезали.

***Влево, вправо, выпад, влево, вправо, двойной выпад!
Влево, вправо, выпад...***

Землю снова тряхнуло. В ту же секунду я обнаружил себя на земле, враг медленно поворачивался, занося дубину.

Выждав момент, я кубарем покатился с правого плеча, по-

ка не почувствовал новую вибрацию. Затем взмыл вверх, и оказавшись на ногах, принялся выполнять изученный прием.

Влево, вправо, выпад, влево, вправо, двойной выпад!

Хр+

И снова я наблюдал падение, рев волшебной твари, а следом – таяние с исчезновением.

Подул прохладный ветерок, деревья легонько качнулись злыми неодетыми ветвями, оставаясь невозмутимыми и каменными.

Я глубоко вдохнул и огляделся. Волшебных тварей не было, зато вдали показалась фигурка в красных доспехах, тех самых, что греют душу, когда вдалеке от дома – Родного Лагеря.

Я затрусил к фигурке. Та стала понемногу проявляться, обрастая деталями, увеличиваясь.

Это был один из Shadow. Он осторожно оглядывался по сторонам, остерегаясь прибытия новых монстров.

Когда незнакомец был в нескольких шагах, я наконец узнал Shadow. Им оказался старина Финниган. Его я знал, кажется, тысячу лет! Финниган стоял лицом ко мне с охотничьим луком за спиной, хмурился и поглаживал большим пальцем наверхие меча, спрятанного в ножны.

Финниган, чернявый, усатый проныра с карими вьедли-

выми глазами, был одним из тех Shadow, что любили отправляться в путешествие не извещая.

Бойких путешественников в нашем лагере – по пальцам пересчитать. Большинство отсиживалось в нагретых берлогах или выполняло прямые обязательства. А те, наподобие Финнигана, как первые капли дождя прорывались вперед, зачуяв приключения.

Финниган не имел привычку обманывать при разговоре, лукавство – не в счет, не преуменьшал количество руды в карманах, если разговор шел к займу, правда, не учитывал тайников. Умел хорошо дружить, это его качество мне нравилось более всего, пусть требовал за дружбу услуги и вообще ничего просто так не делал, скотина!

– Старина Финниган!

– А! Это ты, воришка-карманник! – он сжал брови, и совсем не нахмурился. По выражению лица скорее было видно, чернявый Финниган рад меня видеть.

– Отчего вспоминать былое? Это было тысячу лет назад.

Финниган расслабил кустистые брови, подумал, а потом снова сжал в хитром прищуре.

– Тебе тысяча лет, а некоторым, может быть, один день.

– Какими судьбами ты сюда забрался?

– Слушай, а давай не будем раскрывать секреты друг друга. А то выдам свой, и тебе придется выкладывать свои. Но мы сюда пришли не чужие тайны разгадывать. Зачем смотреть в чужую миску за обедом?

Финниган мастерски уходил от вопросов, но в тот момент стало ясно – он охотился. Финниган был неплох в охоте, брал меня изредка в свои вылазки на Большой Земле. Даже напрашиваться не приходилось. Хитрый Кот Финниган, как звали его в Лагере, всегда находил свободные руки для своих планов.

– Как знаешь...

Я выждал паузу, в надежде, что следующим заговорит он, но тут же нашел что спросить:

– Лучше скажи, как ты завалил двухметрового быка в золотом шлеме, когда я носился тут последний раз? Все не находил повода спросить. Для меня походы в Дикий Лес – довольно интимное дело. Для тебя, я полагаю, тоже, – я отвел взгляд, – но раз уж мы здесь оказались одни, ответить тебе не составит труда.

– Очень много слов, парень.

– Разве?

– Сейчас голова заболит от твоей болтовни.

Губы его были скрыты за пышными завитыми усами, которые, как мне думалось, он начесывал по утрам, закрывшись от посторонних в хижине.

– Я вот не могу понять, серьезен ты в данную минуту или нет. Примерно догадываюсь, когда шутишь, или когда рад, но в какой момент действительно серьезен – вот загадка.

– Эко ты отрезок взял! Минуту целую! Я что, болванчик, целую минуту эмоцию сменять?

– Знаешь, у тебя такие пышные усы... нет, мне нравится, но когда ты говоришь, бывает сложно разобрать, ведь губ я не вижу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.